ИСКАТЕЛИ

СЕМЯ ХОЛОДА

18+

АРТЕМ ШАПКУН

ИСКАТЕЛИ

Артем Шапкун

Искатели. Семя холода

«Автор»
2026

Шапкун А. А.

Искатели. Семя холода / А. А. Шапкун — «Автор», 2026 — (ИСКАТЕЛИ)

Они остановили конец света. Теперь им предстоит пережить то, что придет ему на смену.Игорь и Светлана прошли через ледяной фиолетовый ад. Они раскрыли тайну «Прометея» и ценой невероятных потерь разрушили Сонм — холодный разум, желавший «оптимизировать» человечество.Но победа оказалась пирровой. Глобальная угроза рухнула, уступив место тысячам локальных. Каждое древнее «Семя», пробужденное в недрах, теперь работает на свой лад, перекраивая реальность вокруг себя. Россия превращается в лоскутное одеяло из аномальных зон: здесь время течет вспять, оживают леса каменноугольного периода, а в третьем месте по радио ловят голоса из прошлого.Выжившие разобщены. Искатели — больше не просто отряд. Они становятся мостом, «ретранслятором» между новыми племенами человечества, разбросанными по руинам старого мира.Первая книга цикла «Искатели» — законченная история подвига и жертвы. И одновременно — грандиозный пролог к Эпохе Локальных Чудес, где каждый выживший должен найти свое место в мире.

© Шапкун А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ТИШИНА ПЕРЕД ВЫБРОСОМ 5
ГЛАВА 1. ОСКОЛКИ 8
ГЛАВА 2. ИСКАТЕЛИ 11
ГЛАВА 3. ИСКАТЕЛИ 15
ГЛАВА 4. БЕЛЫЙ АД 20
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Артем Шапкун
Искатели. Семя холода

Они искали в вечной мерзлоте прошлое.
Разбудили будущее.

ПРОЛОГ. ТИШИНА ПЕРЕД ВЫБРОСОМ

Арктика не знает тишины. Она знает вой ветра, скрежет льда, рёв медведей. Но та тишина, что упала на станцию «Полюс-Х» в ту ночь, была иной. Она была живой, густой и выжидающей, словно гигантский зверь затаил дыхание, прижав уши.

Светлана Королёва почувствовала её первой. Не как учёный-геокриолог – приборами, а кожей. Воздух в лабораторном модуле, обычно пахнущий озоном от приборов и сладковатым пластиком, стал стерильно-пустым. Она оторвалась от экрана сейсмографа, где судорожно плясала игла, и подошла к иллюминатору.

Снаружи бушевала ночь. Февраль, полярная ночь. Лишь красные аварийные огни станции выхватывали из тьмы сугробы и антенны. И бесконечную, мёртвую равнину льда, уходящую во тьму. Но что-то было не так. Снег, который час назад нёсся почти горизонтально, теперь падал отвесно, тяжелыми, ватными хлопьями. Ветер стих. Полная тишина.

– Аномалия, – прошептала она себе под нос. Её пальцы уже тянулись к рации, чтобы вызвать начальника смены, когда дверь в модуль с шипением открылась, впуская струю морозного воздуха и мужчину в чёрном тактическом комбинезоне.

Игорь Седов вошёл без стука. Он всегда входил так – тихо, но занимая собой всё пространство. Бывший спецназовец, а ныне – начальник внешней безопасности «Полюс-Х». Лицо, обветренное арктическими ветрами, с жёстким, непроницаемым взглядом. Он не носил оружие на станции открыто, но по его осанке, по тому, как он мгновенно оценил обстановку в помещении одним взглядом, было ясно – он сам и есть оружие.

– Королёва. Доклад, – его голос был низким, без эмоций. Он ненавидел её «предчувствия», но за последний месяц научился их учитывать. После того, как она за сутки предсказала расщелину, чуть не поглотившую вездеход.

– Седов. Смотри, – она кивнула на экран. – Сейсмический фон нулевой. Абсолютный ноль. Так не бывает. Земля не бывает мёртвой. А ветер… ты слышишь ветер?

Игорь прислушался. Слышал только тиканье часов и гул генератора где-то вдали. Он подошёл к окну, его широкие плечи заслонили свет. Взгляд скользнул по застывшему пейзажу, остановился на тёмном пятне в километре от станции – на месте буровой скважины №7. Ту самую, которую Светлана неделю требовала законсервировать.

– Дроздов с командой на вышке, – сказал Игорь. – Бурят. Приказ из Москвы – взять керн с глубины пятисот. Несмотря ни на что.

– Они сумасшедшие! – Светлана резко встала, стул с грохотом отъехал назад. – Там не просто лёд и порода! Мои расчёты, пробы… там какая-то биологическая активность в спящем состоянии! Неизвестный штамм, законсервированный миллионы лет! Его нельзя будить!

– Мои приказы – обеспечивать их безопасность, а не спорить с геологами, – отрезал Игорь, но в его голосе прозвучала тень того же беспокойства, что грызло её. – Твой «штамм» – это всего лишь теория.

– Это не теория! – она ткнула пальцем в распечатку спектрограммы. – Смотри! Углеродные цепочки неземного, архаичного типа! Это не наша биосфера, Игорь! Это что-то… чужое, уснувшее здесь, когда здесь было море! И они сейчас вскроют его саркофаг!

Внезапно, свет на станции моргнул. Генератор на секунду захлебнулся. Тишина снаружи стала давящей. Игорь нахмурился, его рука инстинктивно потянулась к отсутствующей кобуре.

– Всё, – он развернулся к выходу. – Надевай утеплёнку и скафандр. Тревога. Я еду на вышку.

– Я с тобой.

– Ты остаёшься здесь. В безопасном месте.

– Без меня вы не поймёте, с чем имеете дело! Я единственная, кто его изучал!

Их взгляды скрестились – её горящий, научно-одержимый, его стальной, прагматичный. Взгляды двух людей, говоривших на разных языках, но в ту секунду понимавших одно и то же: что-то идёт не так. Очень не так.

– Пять минут на подготовку, – сквозь зубы процедил Игорь. – Но ты выполняешь всё, что я скажу. Без дискуссий.

Она лишь кивнула, уже хватая свой аварийный чемоданчик с пробами и датчиками. Когда они вышли в тамбур, чтобы облачиться в тяжёлые арктические скафандры, тишина снаружи была уже не выжидающей. Она была предсмертной.

Вертолёт «Ансат», пилотируемый вечно бодрым лётчиком Виктором, приземлился рядом с буровой вышкой через десять минут. Вышка, освещённая прожекторами, была похожа на гигантского насекомого, впившегося хоботком в тело планеты. Вокруг сновал людской муравейник. Игорь, ещё на подлёте, через переговорное устройство связался с Дроздовым.

– Полковник, рекомендую прекратить работы. Повторяю, прекратить работы и эвакуировать персонал.

В ответ раздался лишь хриплый, уверенный смех. Голос Владислава Дроздова, бывшего армейского офицера, а ныне – начальника всей охраны объекта, резал ухо.

– Седов, ты опять поддался панике своей учёной барышни? Мы на пороге открытия! Скважина ведёт себя… странно. Буровой раствор закипает при -30 градусах! Представляешь? Источник тепла! Возможно, геотермальный…

– Дроздов, это не геотермальный источник! – вклинилась Светлана, перехватывая канал. – Это биологическая активность! Выброс может быть…

Её слова заглушил оглушительный грохот. Не сверху, не сбоку. Снизу. Глухой, мощный удар, от которого «Ансат» качнуло в воздухе, будто на волне. На вышке посыпались льдинки с конструкций. Люди замерли.

А потом земля под вышкой вздыбилась.

Не взрывом, а медленным, чудовищным вспучиванием. Лёд и мерзлота пошли трещинами, расходящимися черными пауками. Из центра, от устья скважины, вырвался столб. Но не пара, не грязи. Это было облако фиолетовой пыли. Оно светилось тусклым, ядовитым сиянием изнутри, искрилось, как размолотые кристаллы. И неслось не вверх, а в стороны, подхваченное внезапно налетевшим ледяным шквалом.

– Взлёт! Немедленно! – заорал Игорь пилоту. – На станцию!

Но было поздно. Фиолетовая волна накрыла вышку. Люди, попавшие в её эпицентр, не успели даже закричать. Игорь, прильнув к иллюминатору, видел, как фигура Дроздова, стоявшая у края платформы, просто… померкла. Скафандр, а затем и тело внутри, покрылось инеем, а затем рассыпалось, как снежная фигура от удара, обратившись в мелкую, искрящуюся пыль, которая смешалась с несущимся облаком. То же самое происходило со всеми.

– Боже… – прошептала Светлана, её лицо за стеклом шлема было белым как снег.

«Ансат» рванул вверх, но смертоносное облако, растянувшееся на километры, уже настигало его. Оно било по лопастям, стучало по стеклу, как песок. Пилот Виктор кашлял в рацию.

– Не могу… дышать… холод…

Игорь видел, как фиолетовая пыль просачивается внутрь через системы вентиляции. Он рванулся к Светлане, натягивая на неё дополнительный кислородный баллон, закрывая лицо

полой своего скафандра. Их вертолёт, теряя управление, понёсся прочь от эпицентра, в чёрную пасть арктической ночи, за ним тянулся длинный, светящийся шлейф фиолетовой смерти.

А внизу, в зияющем кратере, на месте вышки, теперь пульсировало что-то огромное, тёмное и живое. Сердце Холода открыло свой первый глаз. И начало смотреть на мир, который ему предстояло изменить.

ГЛАВА 1. ОСКОЛКИ

Боль была первым, что вернулось. Тупая, разлитая по всему телу, сконцентрированная в правом боку, где, как он понял сквозь пелену сознания, у него сломано как минимум два ребра. Потом пришёл холод. Пронизывающий, костный, сквозь разорванный скафандр.

Игорь Седов открыл глаза. Он лежал на спине. Над ним – не чёрное небо Арктики, а серый, низкий потолок из гофрированного металла. Ангар? Склад? Он попытался повернуть голову. Шея отозвалась резкой болью, но послушалась. Он был не один.

В полумраке угадывались очертания разбитого вертолёта «Ансат». Он лежал на боку, его лопасти, скрюченные, как кости огромной птицы, упирались в стену. Рядом, прислонившись к ящикам с пайками, сидела Светлана. Она была без шлема, её светлые волосы слиплись от пота и крови на виске. Она смотрела на свои руки, зажавшие какой-то портативный спектрометр. Они дрожали. Не от холода, а от шока.

– Жива? – хрипло выдавил Игорь. Его собственный голос звучал чужим.

Светлана вздрогнула, подняла на него глаза. В них был не страх, а пустота глубокого, научного ужаса, когда теория становится ужасающей реальностью.

– Он… оно… в воздухе, – прошептала она. – Концентрация патогена… зашкаливает. Это не просто споры. Это… активный ретровирус с кристаллической структурой. Он проникает через мембраны… переписывает…

– Королёва! – Игорь попытался сесть, и белая вспышка боли в боку заставила его сдавленно кашлянуть. – Где мы? Сколько времени?

Она моргнула, возвращаясь из глубин биологии в реальность. Осмотрелась.

– Склад горючего… на окраине станции. Мы врезались… Я оттащила тебя. Ты был без сознания. Пилот… – её взгляд скользнул к кабине вертолёта. Там, за разбитым стеклом, виднелась неподвижная фигура в шлеме. – Он не дышал. Уже тогда.

Игорь кивнул, стиснув зубы. Свои. Это он мог принять. Он начал методично, через боль, проверять себя. Ноги двигаются. Руки целы. Оружия при нём не было – на станции его хранили в арсенале. Зато на поясе висел тактический нож и мультитул. И аварийная рация. Он снял её, нажал кнопку.

– Всем постам, всем выжившим на станции «Полюс-Х», это Седов. Отзовитесь. Приём.

В ответ – лишь треск статики и далёкий, жутковатый вой ветра, который теперь снова выл, пронизывая щели в ангаре.

– Никого, – констатировал он. – Или мёртвые, или рации глушит. Нужно встать.

Он попытался опереться на локоть, но слабость и боль снова пригвоздили его к полу. Светлана, наконец, отложила прибор и подползла к нему.

– Два ребра, возможно, трещина. Не двигайся резко, – её голос приобрёл профессиональные, врачебные нотки. Она порылась в аварийном наборе, извлекла бинт и сделала ему тугую повязку на грудь. Её пальцы были холодными, но точными.

– Твоя голова? – спросил он, кивая на её висок.

– Ушиб. Головокружение прошло. Я… я в порядке.

Он в это не поверил, но спорить не стал. Пока она работала, он осматривал ангар. Запасы. Топливо в канистрах. Два снегохода у дальней стены, один выглядел исправным. Ящики с сухими пайками. Они могли продержаться здесь неделю. Но сидеть здесь означало ждать, пока эта… фиолетовая зараза не доберётся и сюда.

– Что с этой пылью? Как действует? – спросил он, глядя прямо на неё.

Светлана вздохнула, откинулась на ящики.

– Данных нет. Только мои модели. Предполагаю, что патоген ищет носителя с активным метаболизмом. Он… перестраивает клетки, пытаясь адаптировать их к экстремальному

холоду. Большинство организмов не выдерживают – кристаллизуются изнутри и разрушаются, как Дроздов и его люди. Но если носитель силён, если его воля к жизни… – она замолчала, снова глядя на свои руки. – Он может вступить с патогеном в симбиоз. Дать ему то, что он хочет – выживание любой ценой – и получить что-то взамен.

– Суперсилы? – скептически хмыкнул Игорь.

– Изменение физиологии, – поправила она. – Ускоренные реакции, изменение терморегуляции, возможно, влияние на нервную систему… Это лотерея, Седов. С вероятностью 99% – мгновенная мучительная смерть.

Внезапно снаружи, совсем близко, раздался звук. Не ветра. Это был протяжный, животный вопль, полный такой боли и ярости, что по спине Игоря пробежали мурашки. И следом – приглушённые выстрелы. Автоматные очереди. Потом ещё один вопль, уже другой, и звук рвущегося металла.

– Там люди, – Игорь схватился за нож и, превозмогая боль, встал на ноги. Голова закружилась, но он удержался. – Не все погибли.

– Или не все остались людьми, – мрачно добавила Светлана, но тоже поднялась, хватая свой чемоданчик и тяжелый монтировку с пола.

Они подошли к боковой двери ангара. Игорь прислушался. Снаружи – тихо. Только завывание. Он осторожно приоткрыл дверь, впуская вихрь ледяной крупы и… запах. Медный, резкий запах крови и чего-то ещё, сладковатого и химического.

Улица, вернее, проход между ангарами, был пуст. Но на снегу, ярко-алыми пятнами на белом, тянулись брызги крови. Они вели к главному корпусу станции. А у входа в него, Игорь разглядел, лежали тела. Двое в такой же, как у него, чёрной униформе охраны. Их позы были неестественны, с вывернутыми суставами. И над ними, спиной к Игорю, стояла… фигура.

Это был мужчина. Вернее, то, что от него осталось. Его комбинезон был разорван по швам. Кожа на спине и руках потемнела до синевато-серого оттенка и покрылась буграми, напоминающими потрескавшуюся кору льда. Из его плеч торчали… что? Острые, кристаллические наросты, похожие на сосульки. Он низко наклонился над одним из тел, и раздавался чавкающий, ужасный звук.

Светлана подавила стон. Игорь сжал рукоять ножа. Инстинкт кричал: тихо уйти. Но он видел на поясе у одного из мёртвых стражников кобуру с пистолетом. Оружие. Шанс.

Он шагнул вперёд. Снег хрустнул под его ботинком.

Фигура замерла. Медленно, с костяным хрустом, повернула голову. Лицо… Боже, лицо. Это был ещё узнаваемый человек, молодой техник Петров. Но его глаза были затянуты молочной пеленой, а изо рта сочилась чёрная, тягучая жидкость. Он смотрел на Игоря не с яростью, а с пустым, животным любопытством. Потом открыл рот и издал тот самый вопль, который они слышали – низкий, гортанный рык.

– Отходи, Королёва, – прошептал Игорь, отступая к двери ангара, заманивая тварь на открытое пространство.

Мутант-Петров двинулся к нему. Не побежал, а пошёл, тяжело ступая, его руки с острыми кристаллическими наростами висели, как лезвия. Игорь оценил расстояние. Удар будет сильным. Но медленным.

Когда тварь была в трёх шагах, Игорь бросился в сторону, к стене ангара. Петров клюнул на движение, махнул рукой-клинком. Игорь пригнулся, почувствовал, как ледяное лезвие со свистом рассекает воздух над головой, и в тот же миг вложил всю силу, всю ярость и всю боль от сломанных рёбер в удар ножом под мышку, где синеватая кожа казалась тоньше.

Клинок вошёл по рукоять с хрустом, но не хрустом кости или хряща. Словно он вонзился в плотный, зернистый лёд. Чёрная жидкость брызнула на рукав. Петров взревел от боли и ярости, уже настоящей, животной. Он рванулся, вырываясь, и его сила была нечеловеческой. Игоря отшвырнуло, как тряпичную куклу. Он ударился спиной о канистру, мир поплыл.

Мутант вырвал нож, швырнул его в сторону и двинулся к поверженному врагу, поднимая руку для смертельного удара.

И в этот момент что-то внутри Игоря схлопнулось.

Это не была ярость. Это было что-то глубже, древнее. Чистый, нерафинированный инстинкт выживания. Сопротивление. Ощущение, что его тело, его воля – это его территория, и её пытаются захватить. И он должен дать отпор. Не ударом, не силой – они иссякли – а толчком. Энергетическим, внутренним отторжением всего чужого.

Он даже не понял, как это сделал. Просто сфокусировался на приближающейся тени и мысленно, всем нутром, оттолкнул.

Воздух между ним и мутантом дрогнул. Невидимая волна, как от тепла над асфальтом, рванула вперёд. Она ударила в грудь Петрова с глухим, мокрым хлопком. Раздался звук, как будто ломаются сотни сосулек. Кристаллические наросты на его плечах и спине разлетелись вдребезги. Сам он отлетел на пять метров назад, рухнул в сугроб и затих.

Игорь лежал, тяжело дыша. В его ушах звенело. Где-то далеко он слышал голос Светланы:

– …Седов! Игорь! Ты… что это было?

Он поднял руку. Она дрожала. Но не от слабости. От прилива странной, пульсирующей энергии, которая медленно отступала, оставляя после себя страшную усталость и… понимание.

Светлана подбежала, упала рядом на колени, сканируя его лицо своими умными, испуганными глазами.

– Ты… ты изменился? Патоген в тебе?

– Нет, – хрипло ответил Игорь, глядя на неподвижное тело мутанта и на обломки ледяных шипов, сверкающие на снегу. – Это не он во мне. Это я… отбился.

Он посмотрел на свои руки, затем на пистолет в кобуре мёртвого стражника. Оружие теперь было. Но он только что понял, что у него появилось кое-что посильнее. И кое-что гораздо более опасное.

– Он прав был, старый Дроздов, – пробормотал Игорь, с трудом поднимаясь. – Тишина – она действительно была предсмертной. Просто мы не поняли, для кого.

Он поднял пистолет, проверил магазин. Полный. Потом повернулся к Светлане.

– Собирай всё, что может пригодиться. Еду, медикаменты, топливо для снегохода. Мы уезжаем. Сейчас. Пока не стало больше таких, как он, – он кивнул на тело Петрова. – И пока мы сами не стали такими.

ГЛАВА 2. ИСКАТЕЛИ

Тишину разрезал сухой, методичный скрежет точильного камня о сталь. Игорь сидел на ящике с пайками, зажав между колен свой тактический нож. Каждое движение отзывалось тупым гулом в сломанных рёбрах, но он не останавливался. В заточке клинка был гипнотический, почти медитативный смысл. Это был последний островок контроля в океане хаоса. Чистый, острый металл против непредсказуемой плоти, изменённой патогеном.

Светлана не могла сидеть на месте. Она металась между разбитым вертолётом и своим чемоданчиком, как учёный-детектив на месте преступления, где преступник – сама природа. Она брала пробы снега из-под двери, соскребала тряпкой чёрные, маслянистые брызги с пола, подносила к носу ампулы с реагентами. Её лицо было маской сосредоточенного ужаса.

– Он не рассеивается, – её голос, обычно такой ровный и уверенный, теперь звучал сдавленно. – Концентрация в воздухе падает на микроскопические доли. Патоген оседает. Вмерзает в лёд, конденсируется на металле, впитывается в пористые материалы. Это не эпидемия. Это… заражение биосферы. Перманентное.

Игорь взглянул на клинок, на котором играли блики от их единственного фонаря.

– Значит, границ нет. Бежать некуда.

– Бежать можно только туда, где теплее. Но патоген наиболее активен при минус десяти и ниже. На холоде он… пробуждается, – Светлана отложила пробирку и повернулась к нему. Её взгляд прилип к его рукам, которые час назад выпустили в мир ту самую невидимую, сокрушительную волну. – То, что ты сделал… Игорь, это не просто защита. Это симбиоз. Ты вступил с ним в контакт, и он дал тебе инструмент. Ты не мутировал, как Петров, в монстра. Ты… эволюционировал. Точечно.

Игорь сжал рукоять ножа. Внутри, под грудной клеткой, где болели рёбра, пульсировало что-то иное. Не боль. Заряд. Глухой, тяжёлый гул, как у работающего вдалеке генератора. Обещание силы и постоянное напоминание: в нём теперь живёт гость. Незваный, но могущественный.

– Инструмент для убийства, – бросил он, отчеканивая слова.

– Инструмент для поиска, – возразила Светлана. Её глаза загорелись. – Поиска пути. Поиска ответов. В мире, который стал сплошной загадкой и угрозой. Таких, как Петров, будет больше. И таких, как ты. И каждый будет искать – силу, власть, убежище. Мы можем начать искать первыми. Мы можем стать Искателями.

Она произнесла это слово не как титул, а как приговор и призвание одновременно. Искатели. Не просто выживающие, бродящие в темноте. Те, кто целенаправленно ищет – знания, слабые места в аномалиях, других людей, ресурсы, смысл в этом новом ледяном аду.

Игорь медленно кивнул. В этом была логика. Железная, как арктический лёд.

– Хорошо. Мы – Искатели. Первые. Наш товар – информация и безопасный проход. Наша валюта – всё, что помогает выжить. Но сначала – нужно выбраться отсюда живыми. Собирай всё, что может работать на нашу поисковую способность. Не только консервы. Датчики, провода, аккумуляторы, любую химию из твоей лаборатории. И лекарства. Особенно стимуляторы и антибиотики. Выживание – это тоже поиск. Поиск способа не умереть сегодня.

Пока Светлана с новым рвением принялась за работу, Игорь подошёл к снегоходу «Бурлак» у дальней стены. Машина выглядела исправной, на бронированном стекле – морозные узоры. Ключи торчали в замке. Удача? Или ловушка? Он уже протянул руку, чтобы проверить зажигание, как снаружи, у главных ворот, раздался звук. Не ветра. Металлический, скребущий звук. Кто-то пытался поддеть ломом или лопатой тяжёлую задвижку.

Игорь погасил фонарь. Ангар погрузился в полумрак, прорезаемый лишь бледными лучами сквозь щитовые щели. Он жестом приказал Светлане: тихо, в укрытие. Та метнулась за корпус вертолёта, стиснув в руках увесистую монтировку.

Скребущий звук повторился. Потом – удар. Не оглушительный, а приглушённый, будто били не по металлу, а по толстой резине. И сдавленный, полный отчаяния шёпот:

– …Есть кто живой? Ради всего святого! Мы свои!

«Свои». Это слово в новом мире звучало как насмешка или как самая изощрённая ловушка. Игорь бесшумно снял с предохранителя «Грач» и прижался к холодной стене у двери. Светлана показала ему два пальца. Двое.

– Эй! В ангаре! Мы с центрального комплекса! Откройте, там снаружи… там что-то есть! – голос сорвался на визгливую ноту паники.

Игорь не ответил. Он резко дёрнул рычаг задвижки изнутри и отступил в тень, наводя пистолет на распахнувшийся проём.

На пороге, осыпанные снегом и, казалось, самой тьмой, стояли двое. Не чудовища. Люди. Парень лет двадцати пяти в очках с треснувшей линзой, в порванной куртке поверх белого халата, сжимающий в трясущихся руках пожарный топор. И девушка, совсем юная, с огромным, не по росту, рюкзаком за спиной. В её руках был карабин «Сайга», но держала она его так, будто это ядовитая змея.

Увидев дуло пистолета, парень ахнул и инстинктивно шагнул вперёд, заслоняя девушку собой.

– Не стреляйте! Мы… мы чистые! Смотрите! – он судорожно растопырил руки, демонстрируя отсутствие ледяных наростов.

– Докажите иначе, – голос Игоря был ровным и холодным, как сталь его ножа.

– Я… Сергей Михеев, лаборант химлаборатории! А это Анна Зимина, радист с ретранслятора! Мы слышали выстрелы, думали… думали, кто-то борется…

Светлана, выглянув из-за укрытия, всмотрелась.

– Я подтверждаю. Михеев из моего отдела. Зимина – дежурный связист. Их лица чистые.

Игорь медленно опустил пистолет, но не убрал палец со спускового крючка.

– Почему вы живы? Термоблок?

Анна, девушка, кивнула, её большие глаза были полы страха, но в них теплился огонёк ясного ума.

– Да. Мы забаррикадировались, когда по громкой связи началась… паника. Потом по внутренней рации слушали… – она сглотнула, – слушали, как они кричали. Как их голоса менялись. Потом тишина. Мы прождали до рассвета. Вышли, когда увидели следы к этому ангару. И… и услышали, как вы завели двигатель.

Их история была стройной. И главное – они выглядели нормально. В их глазах не было молочной пелены пустоты, как у Петрова.

– Заходите, – бросил Игорь, отступая и давая им пройти. – Быстро. И затворите дверь.

Они ввалились внутрь, дрожа от холода и нервного потрясения. Сергей, увидев в углу неестественно скрюченное тело мутанта, издал сдавленный стон и отвернулся. Анна же замерла, вглядываясь в искажённые черты Петрова с болезненным, профессиональным интересом.

– Фибриллярная перестройка эпидермиса… кристаллизация межклеточной жидкости… – пробормотала она.

– Вы медик? – резко спросил Игорь.

– Нет. Но отец – патологоанатом. Я… многое видела, – тихо ответила она.

– Теперь видишь будущее, – мрачно заключила Светлана. – Если нам не повезёт.

– А вам повезло? – вдруг спросил Сергей, его взгляд перебегал с Игоря на Светлану. – Вы… вы не такие. Вы не просто выжили. Мы слышали… перед тишиной был звук. Как хлопок огромной мощности, но без вспышки. Что это было?

Игорь и Светлана обменялись взглядом. Доверие – это ресурс. Его нужно выдавать дозированно.

– Это был я, – сказал Игорь просто. – Патоген даёт не только уродства. Он даёт… возможности. Если организм достаточно силён, чтобы не сломаться, а… перенаправить энергию.

– Вы управляете им? – в голосе Анны прозвучал не страх, а жадное любопытство.

– Я использую то, что он мне дал. Как инструмент. Пока что – для выживания. Мы все теперь Искатели, хотим мы того или нет, – Игорь твёрдо посмотрел на них. – Ищем способ жить. Выбор у вас простой. Остаться здесь и искать способ выжить в одиночку. Или ехать с нами. И искать вместе. Решайте сейчас.

Сергей и Анна переглянулись. В этом молчаливом диалоге не было сомнений. Одиночество в этом новом мире было равносильно смерти.

– Мы с вами, – сказала Анна за обоих, и в её голосе впервые прозвучала твёрдость.

– Правила, – Игорь встал, и даже согбенный от боли, он излучал авторитет. – Я веду. Светлана – стратег и учёный. Вы – специалисты. Выполняете приказания. Всё, что найдём – в общий котёл. Паника, неподчинение, предательство – оставляем на месте. Мы не благотворительность. Мы – экспедиция. Искатели. Понятно?

Они кивнули. В их глазах читалась решимость цепляться за тех, кто знает, что делать, и кто обладает силой, чтобы это делать.

Началась спешная погрузка. Пока Сергей и Анна, под руководством Светланы, таскали на снегоход канистры, приборы и пайки, Игорь вышел на разведку. Ветер почти стих. Небо было низким, свинцовым, но видимость позволяла видеть на сотни метров. Станция «Полюс-Х» была похожа на исковерканный скелет. Некоторые корпуса горели странным, фиолетовым пламенем, которое почти не давало тепла, но пожирало металл, оставляя после себя причудливые, оплавленные структуры. Это были первые аномалии – места, где патоген не просто мутировал жизнь, а менял саму реальность. Одна такая «горелка» была всего в пятидесяти метрах от ангара, и вокруг неё воздух дрожал, как над раскалённым асфальтом в зной.

– Поиск пути, – подумал Игорь. Уже начинается.

Он вернулся внутрь. Команда была готова. «Бурлак», рассчитанный на двоих, теперь должен был везти четверых. Им предстояло ехать вплотную, спиной к спине, дыша друг другу в затылок.

– Куда ищем путь? – спросила Светлана, усаживаясь позади Игоря и крепко обхватывая его за талию, избегая повреждённых рёбер.

Игорь развернул потрёпанную карту.

– На юг. К узловой станции «Карский Перевал». Там ветка на Обскую губу. Если где и остались люди или связь – там. Держись.

Он повернул ключ. Двигатель «Бурлака» взревел, выплюнув клуб пара и сизого дыма. Звук был вызовом, рёвом броненосца, входящего в тихие, заражённые воды. Анна, сидевшая позади Светланы, вздрогнула. Сергей, прижав к груди свой рюкзак с химикалиями, закрыл глаза.

Игорь дал полный газ. Снегоход рванул вперёд, выскочил из ангара и помчался по накатанной трассе, оставляя за собой вихрь снежной пыли, унося прочь от первой могилы старого мира.

А на крыше главного корпуса, покрытой синим, пульсирующим, словно живым, инеем, за ними с холодным безэмоциональным вниманием следила фигура. Она стояла недвижно, и её очертания почти сливались с ледяными наплывами на металле. Но если бы кто-то мог подойти ближе, он увидел бы – форма полковника Дроздова была лишь оболочкой, пустой скорлупой.

Внутри, прорастая сквозь ткань и плоть, пульсировала сложная, кристаллическая структура. А рядом, в совершенном, мёртвом покое, застыли ещё трое таких же ледяных солдат, их молочные глаза были устремлены в одну точку – на удаляющийся огонёк снегохода.

Дроздов был мёртв. Но его воля, его холодная, безжалостная логика выживания сильнейших, обрела новую, коллективную форму. Она уже не искала. Она ждала. И строила. А когда будет готова – начнёт охотиться на всех, кто осмелился искать свой путь в её новом, ледяном царстве.

ГЛАВА 3. ИСКАТЕЛИ

Рёв «Бурлака» разорвал звенящую тишину тундры, как крик новорождённого в морге. Звук был вызовом, объявлением войны всему, что теперь ползало, пряталось и охотилось в этом новом, синевато-сером мире. Игорь чувствовал вибрацию двигателя сквозь всю свою боль, сквозь тугую повязку на рёбрах. Она была якорем, единственной реальной вещью в мире, поплывшем в фиолетовом мареве.

Он резко свернул с центральной дороги станции, уходя в лабиринт служебных проездов между складами ГСМ. В зеркало заднего вида мелькнули искажённые огнём очертания лабораторного корпуса – там пылало то самое фиолетовое пламя, холодное и ненасытное. Воздух над ним колыхался, как над раскалённым асфальтом, только волны шли морозные, вымораживающие всё на своём пути.

– Держись левее! – крикнула Светлана ему прямо в ухо, перекрывая вой ветра. – Там, справа – сейсмочувствительная зона! Вижу колебания грунта!

Она не просто смотрела. Она видела. Её мутация уже работала на пределе – аналитическое зрение выхватывало из мира не просто предметы, а их температурные карты, напряжения, слабые точки. Для неё станция была не набором строений, а живой, больной тканью, пронизанной ядовитыми нитями аномальной энергии.

Игорь рванул руль влево. Снегоход накренился, полозья скрипели по утрамбованному снегу. Сзади раздался испуганный вскрик Анны и сдавленное ругательство Сергея. Через секунду с правой стороны, из-за угла трансформаторной будки, земля вздыбилась. Не взрывом, а будто гигантский крот прорыл тоннель прямо под поверхностью. Снег и куски асфальта взлетели в воздух и на мгновение зависли, подчиняясь искажённой гравитации, прежде чем рухнуть обратно в образовавшуюся трещину.

– Что это было? – закричал Сергей, вцепившись в плечи Анны.

– Аномалия, – сквозь зубы процедил Игорь, не отрывая глаз от пути. – «Зыбучий лёд» или что-то вроде. Светлана, веди дальше!

Она стала его живым навигатором, прокладывающим маршрут сквозь смертоносный лабиринт. Её голос звучал чётко, без тени паники, лишь с легкой дрожью перегрузки:

– Прямо двадцать метров, затем резко направо. Там разрыв теплотрассы – вижу выброс пара. Неизвестный химический состав, возможен ядовитый.

– Вон те ангары, видишь? Объезжай по дуге. Стены излучают в микроволновом диапазоне. Стрит-эффект, всё живое внутри сварится за минуту.

– Стоп! Прямо по курсу… Боже.

Он затормозил. Перед ними дорогу перегораживало… нечто. Это была не стена, не баррикада. Это было дерево. Вернее, то, во что превратилась старая, дохлая лиственница на краю посёлка. Её ствол раздулся до невероятных размеров, покрылся сизыми, пульсирующими наростами, похожими на мозговые извилины. С голых, искривлённых ветвей свисали длинные, нитевидные щупальца, медленно покачивавшиеся в такт какому-то невидимому ритму. Вокруг ствола лежали трупы – несколько «опустошённых» мутантов, чьи тела были пронзены этими нитями и высушены до состояния мумий.

– Био-аномалия, – прошептала Светлана. – Растительная форма. Пси-приманка и физическое поражение. Вижу тепловые следы… она чувствует вибрации. И тепло.

– Значит, тихо и холодно, – пробормотал Игорь. – Объезда нет?

Светлана быстро осмотрела местность.

– Слева – зона с нестабильной гравитацией, куски металла плавают в воздухе. Справа – тот самый горящий корпус. Надо либо возвращаться, либо… прорываться прямо через её зону влияния, но на максимальной скорости, пока она не среагировала.

Возвращаться – означало снова мимо трансформаторной будки с «зыбучим льдом» и кто знает, что ещё вылезло за это время. Игорь сжал руль.

– Готовьтесь. Пригнитесь. Анна, Сергей – крепче держитесь. Сейчас будет резко.

Он дал «Бурлаку» полный газ. Снегоход рванул с места, набирая скорость. За пятьдесят метров до чудовищного дерева первые щупальца дёрнулись, потянулись к источнику тепла и вибрации. Игорь, не сбавляя хода, рванул руль вправо, потом влево, вписываясь в слабый зигзаг. Липкие нити просвистели в сантиметрах от них, одна шлёпнулась на капот, оставив едкий, дымящийся след.

И в этот момент из-за ствола дерева вышла фигура.

Это был человек. Вернее, его подобие. Он шёл прямо навстречу снегоходу, не ускоряясь и не замедляясь. На нём была рваная утеплёнка сотрудника станции, но лицо… Лицо было полностью покрыто тонкой, прозрачной плёнкой льда, как маской. Сквозь неё было видно застывшие, широко открытые глаза и оскал в крике. Он поднял руку, не для того чтобы остановить их, а как бы указывая куда-то за себя, в сторону леса.

– Это же Петров! – вскрикнула Анна. – Из химлаборатории! Он… он живой?

– Нет, – холодно констатировала Светлана. – Тепловое излучение на нуле. Это марионетка. Мираж.

«Петров» был в десяти метрах. Игорь не свернул. Он направил «Бурлака» прямо на него. В последний момент фигура будто растворилась, рассыпалась на мириады сверкающих ледяных кристалликов, которые тут же унесло ветром. Галлюцинация. Приманка.

Они пронеслись мимо дерева-монстра, чувствуя на затылке его слепую, растительную ярость. Дорога перед ними была чиста на пару сотен метров, до главных ворот станции и дальше – до бескрайней, белой пустоты тундры.

И тут завыла сирена.

Не аварийная. Это был рёв «Бурана» – системы оповещения о внештатной ситуации. Громкий, пронзительный, разносящийся по всей мёртвой станции. Его включил кто-то или что-то.

– Идиоты! – рявкнул Игорь. – Это же, как фонарь в тёмной комнате для всего, что тут есть!

Сирена выла, раздражая барабанные перепонки, наполняя мир механическим, безумным звуком. И мир ответил.

Из-за дальних складов, из распахнутых дверей гаражей, из-под земли в вентиляционных шахтах – поползли, пошли, выкатились фигуры. Несколько «опустошённых» в разной стадии мутации: один с рукой, превращённой в огромную ледяную клешню, другой – низкий, приземистый, с шипастым хребтом. Но были и другие. Трое в относительно целой форме охраны. Они двигались странно, синхронно, их глаза были затянуты той же молочной пеленой, что и у Петрова в ангаре. Они не бежали, а шли ровным строем, и в руках у них было оружие: два автомата и что-то похожее на самодельный огнемёт.

– Сонм, – с ледяным ужасом прошептала Светлана. – Это они. Уже здесь.

– Что делаем? – крикнула Анна. В её голосе был страх, но не паника. Она уже нащупывала карабин.

– Прорываемся! – Игорь оценил расстояние до ворот и группу мутантов, перекрывавшую прямой путь. Их было семеро. Плюс те, что выползали с флангов. «Бурлак» мог бы протаранить, но рисковал перевернуться или застрять. – Светлана, слабые точки у этих «солдат»?

– Шеи! Там кристаллическая структура тоньше! И стыки в броне на локтях и коленях!

Игорь кивнул. Он рванул вперёд, но не прямо на группу, а по дуге, стараясь выйти им во фланг. «Солдаты» Сонма развернулись с пугающей слаженностью, будто у них был один мозг на всех. Двое с автоматами подняли оружие. Стрельба по движущемуся снегоходу с расстоя-

ния в сто метров – задача для профессионалов. Они стреляли как профессионалы. Короткие, точные очереди.

Стекло ветрового щита «Бурлака» звонко заплакало, пересечённое паутиной трещин. Пули заскрежетали по бронированному капоту. Одна чиркнула по плечу Игоря, сорвав клочок ткани и обжигая кожу ледяным жжением.

– Аня, огонь на подавление! По шеям! – закричал он.

Анна, превозмогая страх и неудобную позу, приподнялась, упёрла приклад «Сайги» в плечо. Она не была снайпером. Но сейчас её мутация – абсолютный фокус – сработала инстинктивно. Мир для неё сузился до перекрестия прицела, до силуэтов врагов, до едва заметного биения пульса в собственных пальцах. Она выстрелила. Раз. Два.

Первый выстрел попал одному из стрелков в плечо, отбросив его. Второй – на излёте траектории – ударил другого как раз в шею. Раздался звук ломающегося хрусталя. «Солдат» захрипел, уронил автомат и упал, дергаясь в конвульсиях. Его товарищи даже не оглянулись.

– Молодец! – крикнул Сергей, сам не веря, что выкрикнул это посреди ада.

Но путь всё ещё был перекрыт. А с флангов уже подбирались «опустошённые». Игорь чувствовал, как та самая внутренняя пружина – кинетический резонанс – сжимается в его груди, требуя выхода. Но выпустить её сейчас, на скорости, значило рисковать перевернуть собственный снегоход.

– Держись! – он рванул руль, направив «Бурлак» на небольшой снежный бруствер у края дороги – остатки зимнего снегозадержателя. Снегоход взлетел на него и на секунду оторвался от земли. В этот момент мимо них, с диким рёвом, пронеслась струя огня из самодельного огнемёта. Пламя было не жёлтым, а сине-фиолетовым и не испускало тепла, а, казалось, высасывало его из воздуха. Оно опалило воздух в метре от кормы.

«Бурлак» приземлился с жёстким ударом, от которого у Игоря помутнело в глазах от боли в рёбрах. Но они проскочили! Они были уже за спиной у группы Сонма, неслись к открытым воротам.

И тут Светлана вскрикнула. Не от страха. От осознания.

– Игорь! Стой!

Он инстинктивно ударил по тормозам. «Бурлак» занесло, он развернулся на сто восемьдесят градусов и остановился в облаке снежной пыли, носом обратно к станции.

Прямо перед открытыми воротами, на чистом, нетронутом снегу, лежала детская кукла. Замёрзшая, в синем платьице. Совершенно невинная. И от неё во все стороны расходилась едва видимая рябь – как от камня, брошенного в воду, только колебалась не вода, а само пространство, свет, тени.

– Ловушка, – сказала Светлана, задыхаясь. – Пространственный разрыв. Маленький. Но если въехать… мы окажемся не снаружи. Мы окажемся где-то ещё. Может, в ста метрах в сторону, а может, в центре той самой горящей лаборатории.

Игорь сжал зубы. Ворота. Свобода. В двух десятках метров. И недостижимы. Он посмотрел назад. «Солдаты» Сонма и «опустошённые» уже разворачивались, начинали окружать их. Сирена всё выла, призывая всё новых тварей.

– Варианты, – бросил он Светлане, одновременно срывая с пояса «Грач».

– Через забор! – она указала на левую сторону. Забор из рабицы был местами порван, завален снегом. За ним – просто тундра, без дорог, но и без видимых ловушек. – Но «Бурлак» не пролезет!

– Значит, пешком, – Игорь выстрелил два раза в сторону приближающихся мутантов, не целясь, просто для острастки. – Разгружаемся! Бери только самое ценное! Еду, аптечку, приборы! Остальное – бросить!

Это был приговор снегоходу, их единственному быстрому транспорту. Но иного выхода не было. Они, спотыкаясь, вывалились из «Бурлака». Сергей и Анна схватили свои рюкзаки.

Светлана прижала к груди свой чемоданчик с пробами и датчиками. Игорь взвалил на плечо канистру с остатками топлива и рванул к забору.

– Первыми – Аня и Сергей! Потом Света! Я – последний! Быстро!

Анна, ловкая и юркая, первой проскользнула в дыру в сетке. Сергей, роняя очки, пролез за ней. Светлана передала чемодан и протиснулась сама. Игорь уже отступал к забору, отстреливаясь. Один из «опустошённых» , у которого хребет с шипами, оказался в десяти метрах и прыгнул. Игорь не стал целиться. Он просто выбросил вперёд левую руку, открыв ладонь, и толкнул.

Воздух сгустился и ударил. Не такая мощная волна, как в ангаре, но достаточная, чтобы отшвырнуть мутанта, как тряпичную куклу, и завалить его товарищей. Цена – мгновенная слабость, темнота в глазах и ледяная дрожь, пробежавшая по всему телу. Он едва удержался на ногах.

– Игорь! – закричала Светлана из-за забора.

Он развернулся и нырнул в проём. Колючая проволока зацепила куртку, порвала её. Он выкатился на другую сторону, в глубокий снег. Сразу же вскочил, хватая канистру.

– Бегом! В ту сторону, к тем холмам!

Они побежали. Четыре человека, утопая по колено в снегу, без транспорта, с парой стволов и наукой в головах, спасаясь от станции, которая уже не была станцией, а стала гнездом чего-то нового, страшного и организованного.

Сирена позади них внезапно умолкла. Воцарилась тишина, нарушаемая только их тяжёлым дыханием и хрустом снега. Игорь обернулся на бегу. У снегохода, у забора, стояли те самые трое «солдат» Сонма. Они не лезли в дыру. Они просто смотрели. Следили за ними ледяными, молочными глазами. Провожали. Как хищники, которые знают, что рано или поздно добыча сама выйдет на охотничью тропу.

И далеко позади них, на крыше главного корпуса, фигура в обледеневшей полковничьей форме медленно, как маятник, повернула голову, следя за четырьмя тёмными точками, уползающими в белое ничто. Вокруг неё иней на металле сложился в сложные, похожие на нейронные сети, узоры. Шёл процесс. Искатели сделали свой первый шаг. Игроки на доске были расставлены.

Их путь только начался. А впереди была тысяча километров мёрзлого ада, полного таких же, а то и хуже, сюрпризов. Но они были вместе. Они были Искателями. И у них не было другого выбора, кроме как искать.

Они бежали, пока хватало сил. Когда стало ясно, что погони нет, а впереди только снежная равнина и сизый горизонт, Игорь приказал сделать остановку у одинокого, обледеневшего валуна. Все рухнули на снег, тяжело дыша. Сергей рыдал, уткнувшись лицом в рукав. Светлана трясущимися руками проверяла приборы.

Игорь отвернулся, делая вид, что осматривает местность. Но он не видел ни снега, ни неба. Перед его глазами стояло другое лицо. Не Петрова-мутанта. Детское. С веснушками и смеющимися глазами, которые сейчас должны были бы смотреть на него с экрана планшета в тёплой московской квартире.

«Пап, а когда ты вернёшься?»

«Скоро, зайчик. Обещаю. После этой командировки – отпуск. Поедем на море».

«Ты всегда так говоришь».

Он говорил. И врал. Последний раз видел её полгода назад, на два дня между рейсами. Алёне было семь. Она коллекционировала странные камешки и рисовала ему в скайп смешных монстриков. Его жена, Марина, уже три года как смотрела на него пустым, усталым взглядом. «Ты живёшь где-то там, Игорь. Не здесь».

Он взял этот контракт на «Полюс-Х» из-за денег. Огромных, нечестных денег. Хватило бы на квартиру у моря, на лечение её матери, на ту самую жизнь «после», которую он вечно

откладывал. Последний заказ. Последняя миссия. А потом – домой. Исправлять всё, что сломал годами отсутствия.

А теперь дома нет. Нет ни Москвы, ни тёплой квартиры, ни скайпа. Есть только ледяной ветер, фиолетовое небо и знание, что там, на юге, куда он обещал себе вернуться, теперь царят те же ужас и холод. Что случилось с ними? Замерзли ли они в первые часы, как те люди на вышке? Или… превратились во что-то? В таких же ледяных монстров?

Он стиснул зубы так, что заболела челюсть. Боль в сломанных рёбрах была ничем по сравнению с этой, новой, пустой болью внутри. Он не просто выживал. Он должен был выжить. Потому что если он жив, то есть шанс – один на миллиард, – что и они живы. И он найдёт их. Пройдёт через весь этот ад, но найдёт. Или узнает правду. И тогда… тогда он сможет наконец остановиться.

«Игорь?» – тихий голос Светланы вернул его в реальность. Она смотрела на него не как учёный на объект изучения, а с внезапным, острым пониманием. «Ты… там кого-то оставил?»

Он резко отвернулся, сделав вид, что поправляет повязку.

«Всем отдых десять минут. Потом двигаемся. Нужно найти укрытие до темноты».

Он не ответил на её вопрос. Но она, кажется, поняла и без слов. В её глазах мелькнуло что-то похожее – своя, запертая глубоко внутри, потеря. В этом новом мире у каждого за спиной был свой призрак. И они гнали их вперёд, в ледяную тьму.

ГЛАВА 4. БЕЛЫЙ АД

Первые километры дались с надрывом, на чистом адреналине и животном страхе. Бежать по рыхлому снегу, который то и дело проваливался по пояс, было пыткой. Каждый вздох обжигал лёгкие колючим холодом. Боль в сломанных рёбрах у Игоря превратилась в тупой, раскалённый гвоздь, вбитый в бок. Он стискивал зубы, заставляя ноги двигаться, отмеряя шаги: раз-два, раз-два. Только вперёд. Только подальше от этого места.

Светлана шла следом, её лицо было бледно-серым от напряжения. Она не просто шла – она сканировала пространство, её взгляд метался по белизне, выискивая малейшие искажения, малейший намёк на аномальную активность. Чемоданчик с приборами она несла как святую реликвию – без него они были слепы.

Сергей и Анна плелись позади. Парень тяжело дышал, его очки полностью запотели, превратив мир в мутное пятно. Анна, несмотря на молодость и страх, держалась стойко. Она то и дело оборачивалась назад, на тёмный шрам станции на горизонте, держа карабин наизготовку. Её мутация ещё не проявилась здесь, в полную силу, но инстинкт охотницы уже проснулся.

Через час безумной гонки силы начали сдавать. Ноги стали ватными, дыхание – свистящим.

– Стой… – наконец выдохнул Сергей, спотыкаясь и почти падая лицом в снег. – Не могу… нужно отдышаться…

Игорь, сам едва держась на ногах, кивнул, прислонившись спиной к одинокому, обледеневшему валуну. Они были на небольшом пригорке. Станция «Полюс-Х» теперь была лишь тёмным, дымящимся пятном в серой дали. Вокруг – бескрайняя, мёртвая равнина, поросшая низкорослой, пожухлой тундровой травой, торчащей из-под снега как седая щетина. Небо по-прежнему висело низко и тяжело, но ветер стих, и воцарилась звенящая, давящая тишина.

– Дальше так не получится, – хрипло сказал Игорь, снимая канистру с плеча. – Нужен план. И укрытие. Ночь здесь, на открытом месте… – он не договорил. Все и так понимали.

– Мы сожгли слишком много калорий, – сказала Светлана, опускаясь на снег и открывая свой чемоданчик. Она достала портативный тепловизор и принялась медленно сканировать горизонт. – Температура падает. К вечеру будет под минус тридцать. Без укрытия и тепла мы не протянем и до утра.

– А что там? – Анна указала карабином на восток, где вдалеке виднелась темная, зубчатая полоса – край лесотундры, редкие, корявые лиственницы. – В лесу может быть укрытие. И… дрова.

– В лесу может быть всё что угодно, – мрачно заметил Сергей, наконец, протерев очки. – Эти… аномалии. Они могут быть и там.

– Они везде, – поправила его Светлана, не отрывая глаз от экрана. – Но лес даст хоть какую-то защиту от ветра. И возможность разжечь костёр. Если найдём чистые дрова.

– Чистые? – переспросила Анна.

– Не заражённые патогеном. Дерево, пропитанное «Хризолидом», будет гореть тем самым фиолетовым пламенем, которое не даёт тепла, а забирает его. Нужно искать сухостой, который погиб ещё до Выброса.

Пока они обсуждали, Игорь, молча, осматривал местность. Его взгляд, тренированный годами в разведке, выхватывал детали. Следы. Не звериные – те были бы давно замечены. А вот едва заметная рябь на снегу в ста метрах от них, будто от лёгкого взрыва. И странный, почти геометрически правильный круг голого грунта, где не лежал снег. И там, у подножия следующего холма… что-то блестело. Не лед, а металл.

– Там что-то есть, – сказал он, прерывая разговор. – Похоже на обломки. Может, вертолёт или вездеход. Проверим. Осторожно.

Они двинулись к блестящему объекту, растянувшись в цепочку. Игорь впереди, за ним Светлана с тепловизором, потом Анна с карабином, и замыкал Сергей. Снег здесь был плотнее, идти стало чуть легче. По мере приближения объект обрёл форму. Это был не вертолёт. Это был корпус «Трэкола» – огромного шестиколёсного вездехода-амфибии. Машина лежала на боку, словно подбитый слон. Колёса были спущены, стёкла выбиты. По бортам шли глубокие царапины, будто его царапали гигантские когти. А вокруг… вокруг валялись вещи. Раскрытые ящики с пайками, порванные спальники, пустые канистры. И следы. Много следов. Человеческие, но искажённые, с неестественно длинными пальцами и глубокими вмятинами, будто те, кто их оставил, передвигались на четвереньках.

– Лагерь, – тихо сказал Игорь, останавливаясь в двадцати метрах от обломков. – Кто-то пытался здесь устроить стоянку. И их нашли.

– Нашли что? – прошептал Сергей, с ужасом глядя на следы.

– Не спрашивай, – бросила Анна, поднимая карабин. Её взгляд скользил по тенистым развалинам вездехода, по тёмным провалам выбитых окон.

Светлана посмотрела на тепловизор и вдруг резко дернула Игоря за рукав.

– Внутри! Два тепловых следа! Слабые, но есть! Один… неподвижный. Второй шевелится.

Живые. Или не совсем. Игорь снял с предохранителя «Грач».

– Прикрывайте. Я проверю.

– Игорь, нет, это ловушка! – зашипела Светлана.

– Все варианты – ловушки. Но там могут быть припасы. Или информация. Оставайся здесь, командуй.

Он не стал ждать ответа. Пригнувшись, короткими перебежками он приблизился к опрокинутому «Трэколу». Запах ударил в нос ещё на подходах – смесь гнили, бензина и того сладковатого химического душка, что теперь витал повсюду. Он подошёл к задним дверям, которые висели на одной петле. Заглянул внутрь.

Там был ад. Внутри царил полумрак, освещённый лишь светом, пробивавшимся через разрывы в крыше. На полу валялись обломки, тряпки. И в дальнем углу, прислонившись к сиденью, сидел человек. Вернее, то, что от него осталось. Он был мёртв. Его тело было обезвожено, кожа натянута на кости, как пергамент, и покрыта тончайшей сеткой инея. Но не это было самым жутким. Его лицо было обращено к потолку, рот открыт в беззвучном крике, а из глазниц, рта и ушей росли тонкие, хрустальные усики, похожие на морозные узоры. Они пульсировали слабым фиолетовым светом. Это была не просто смерть. Это была инсталляция. Предупреждение.

И рядом с трупом, сгорбившись, сидел второй. Живой. Он дрожал, закутавшись в алюминиевое спасательное одеяло, и что-то бормотал себе под нос. Это был мужчина лет сорока, с обветренным лицом и сединой в бороде. На нём была уцелевшая полярная экипировка хорошего качества. У его ног валялся помятый планшет.

– Эй, – осторожно позвал Игорь, не входя внутрь. – Ты живой?

Мужчина вздрогнул и медленно поднял голову. Его глаза были красными от бессонницы и ужаса, но в них горел огонёк сознания. Настоящего, человеческого.

– У… уходите, – прохрипел он. – Оно всё ещё здесь. Смотрит.

– Что здесь? Кто? – Игорь осмотрелся, но, кроме них и жуткого трупа, никого не увидел.

– Не «кто». «Оно». Холодный ум, – мужчина затряс головой. – Мы думали… мы думали, ушли достаточно далеко. Забрали образцы… хотели изучать… Ошибка. Все ошибка.

«Образцы». Игорь насторожился.

– Вы кто? Учёные?

– Геологи… вертолётная группа с «Михаила Сомова»… Исследовали аномалии… – он говорил отрывисто, путано. – Нашли кристалл… чистый штамм… в замкнутой форме. Думали, ключ… ключ к пониманию. Он нас и нашёл.

– Кто он?

– Не знаю. Он в холоде. В тишине. Он говорит без слов… приказывает… – мужчина вдруг схватился за голову. – Он сделал с Марком! – он ткнул пальцем в труп с усиками. – Подключил! Смотрит его глазами! Чувствует! Он везде, где есть кристалл! Везде, где есть холод!

Кристалл. Чистый штамм. Мысли Игоря заработали с бешеной скоростью. У Светланы в чемоданчике были пробы, образцы. Если этот… «холодный ум» мог чувствовать их…

– Где кристалл? – резко спросил Игорь.

Мужчина безумно захихикал.

– В машине… в защищённом контейнере. Он его уже нашёл. Он просто ждёт, когда кто-то подойдёт… чтобы подключить ещё одного. Чтобы смотреть ещё одними глазами.

Игорь резко отпрянул от двери. Его взгляд упал на ящик из нержавейки, валявшийся в другом конце салона. От него шёл слабый, едва заметный синеватый отсвет.

– Всем назад! – закричал он своим, разворачиваясь к выходу. – Прочь от машины! Бегом!

Но было уже поздно.

Воздух вокруг «Трэкола» сгустился. Не визуально, а физически – стало тяжело дышать, как в барокамере. Звуки приглушились. А потом из-под снега, в десяти метрах от них, взметнулись десятки тех самых хрустальных усиков, которые росли из трупа. Они выросли за секунду, образовав хрупкую на вид, но плотную изгородь между Искателями и их путём к отступлению. Одновременно с этим металл «Трэкола» застонал, и с его корпуса, с днища, с колёс, посыпались ледяные осколки. Они не падали, а зависали в воздухе, образуя медленно вращающуюся сферу вокруг вездехода.

– Он здесь! – закричал учёный из салона, и в его голосе прозвучала последняя, отчаянная надежда на спасение. – Не дайте ему меня забрать!

Светлана, Анна и Сергей замерли, оказавшись в полукольце ледяных шипов. Анна подняла карабин, но стрелять было не в кого. Врагом была сама местность.

Игорь почувствовал знакомый холодный гул внутри – отклик на внешнюю угрозу. Его мутация проснулась. Но выпустить волну здесь, рядом с машиной, где лежал кристалл, и с живым человеком внутри – значило убить того учёного наверняка.

– Света! – крикнул он. – Где он? Где источник?

Светлана, побледнев как снег, смотрела на тепловизор, затем на обычный мир, сверяя данные.

– Нигде! Нет точечного источника! Это… это поле! Вся эта площадка – источник! Он вмерз в землю, в лёд! Это не существо, это… место!

Значит, ловушка. Не зверь, а капкан. И они в него попали.

Вращающаяся сфера из ледяных осколков начала медленно, но неотвратимо сжиматься, приближаясь к «Трэколу». Кристальные усики из земли зашевелились, протягиваясь к их ногам. Учёный в вездеходе забился в истерике.

Игорь принял решение за долю секунды. Он не мог ударить по площади. Но он мог ударить по фокусу. По тому, что объединяло эту аномалию. По кристаллу.

– Пригнитесь и не двигайтесь! – рявкнул он своим. – Анна, прикрой уши!

Он развернулся лицом к открытым дверям «Трэкола», к тому самому ящику с синеватым свечением. Сосредоточился. Не на ярости. На точности. Он представил не ударную волну, а кинетический импульс, сжатый в иглу, в пулю без металла. Он сгрёб всю свою боль, весь страх, всю волю к жизни в один тугой комок в груди и выпустил его через раскрытую ладонь прямо в контейнер.

Эффект был иным. Не громовой хлопок, а глухой, низкий бум, как будто гигантский барабан ударил под землёй. Воздух дрогнул. Ящик из нержавейки смялся, как бумажный, и отлетел в дальнюю стену с оглушительным лязгом. Внутри что-то хрустнуло – чистый, высокий звук ломающегося хрусталя.

И мир замер.

Вращающаяся сфера из осколков рассыпалась, ледяные щепки посыпались на снег с тихим шуршанием. Кристальные усики, тянувшиеся к ним, замерли, а затем начали медленно опадать, теряя структуру, превращаясь в обычный иней. Давящая тишина и тяжесть воздуха рассеялись.

Из салона «Трэкола» донёсся тихий, прерывистый плач. Учёный был жив.

Игорь тяжело опёрся на колено. Использование силы всегда отнимало многое, но такое контролируемое применение вычерпало из него всё, будто вывернуло душу наизнанку. Перед глазами поплыли тёмные пятна.

– Игорь! – Светлана первой бросилась к нему, но он отмахнулся.

– Со мной… всё в порядке. Проверь его. И найди тот… осколок.

Пока Светлана и Анна осторожно пробирались к «Трэколу», Сергей стоял как вкопанный, глядя на поле увядших кристаллов.

– Ты… ты его убил? Его… разум?

– Нет, – отдышавшись, сказал Игорь. – Я разбил его… антенну. Уши и глаза здесь. Он ещё где-то есть. Но теперь не видит нас.

Через несколько минут Светлана вылезла из вездехода, ведя под руку шатающегося учёного. В другой руке она держала обёрнутый в тряпку предмет размером с кулак. Анна тащила рюкзак, набитый припасами из машины – шоколад, галеты, консервы.

– Он в шоке, но жив. Зовут Аркадий Викторович. Говорит, что их группа из пяти человек. Трое погибли сразу, когда «оно» напало. Он и Марк… тот, внутри… спрятались. Марка «подключили» сутки назад. Его держали как датчик, – Светлана говорила быстро, по-деловому, но в её глазах стоял ужас. – Вот он. Кристалл.

Она развернула тряпку. Внутри лежали несколько острых осколков тёмно-фиолетового, почти чёрного кристалла. Они были холодными на ощупь, и от них шёл слабый, неприятный вибрационный гул, который ощущался скорее костями, чем ушами.

– Нужно уничтожить, – сразу сказал Игорь.

– Нет! – качнувшись, вскрикнул Аркадий. Его глаза загорелись безумным фанатизмом учёного. – Это уникальный образец! Чистый, стабильный штамм в минеральной форме! Это ключ! К пониманию, к контролю, может, к излечению!

– Это маяк, – холодно парировал Игорь. – Который призывает таких, как он. Ты хочешь повторить судьбу своего друга?

– Но мы можем изучить! Заэкранировать! У меня есть данные… в планшете… – Аркадий умолк, увидев выражение лиц вокруг. Это были не лица учёных, искавших истину. Это были лица выживших, ищущих способ прожить ещё один день.

– Решение за командой, – сказал Игорь, глядя на Светлану, Анну и Сергея. – Голосуем. Уничтожить или попытаться сохранить? Учтите – это смертельный риск для всех.

Светлана сжала губы. Её учёная душа рвалась на части.

– Я… не могу голосовать. Я хочу его изучить. Но я понимаю риск. Я воздержусь.

– Уничтожить, – твёрдо сказала Анна. – Я не хочу, чтобы за мной следили. Никогда.

– Я… я тоже за уничтожение, – тихо, но чётко сказал Сергей. – После того, что видел… нет. Просто нет.

Игорь кивнул. Большинство.

– Принято. Аркадий Викторович, твои данные в планшете мы заберём. Кристалл будет уничтожен. Сейчас.

Он взял у Светланы свёрток, отошёл подальше от людей и от «Трэкола», к тому самому кругу голой земли. Положил кристаллы на камень. Затем отступил на несколько шагов, поднял «Грач» и прицелился. Пуля калибра 9 мм вряд ли раздробила бы прочный минерал, но он стрелял не для этого. Он выстрелил один раз, чтобы создать удар, вибрацию. А затем, сконцентрировав остатки сил, послал вслед за пулей сжатый, точечный кинетический импульс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.